

УДК 316.723
ББК 86.39

НОВАЯ РОССИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ И ГЛОБАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА: ПАРАДОКСЫ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ (ЗАПАДНЯ СИБИРЬ, XXI ВЕК)¹

АЛЕКСАНДР ГЕННАДЬЕВИЧ СЕЛЕЗНЕВ

(Институт археологии и этнографии СО РАН, Омская лаборатория:
Российская Федерация, 644024, г. Омск, пр-т Маркса, д. 15;
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского:
Российская Федерация, 644077, г. Омск, пр-т Мира, д. 55а)

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА СЕЛЕЗНЕВА

(Сибирский филиал Института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева:
Российская Федерация, 644077, г. Омск, ул. Андрианова, д. 28;
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского:
Российская Федерация, 644077, г. Омск, пр-т Мира, д. 55а)

Аннотация. В статье проанализирована новая мифология, формирующаяся в эпоху постмодерна и постиндустриального общества. Источниковую базу составляют полевые материалы, собранные в ходе этнографического обследования нового сакрального центра, возникшего в д. Окунево, и идейно(религиозно)-ориентированных экопоселений, получивших распространение на территории Омской области. Материалы относятся к XXI в. В фокусе внимания — мифологические мотивы, причудливо интерпретирующие ход истории, в том числе знаковые археологические объекты; мотивы сакрализации власти и национального лидера (президента); осмысление в народном сознании актуального научного процесса, в частности медийного отражения геногеографии, гаплогрупп и других «модных» научных учений.

Рассматривается понятие хронотопа новых сакральных пространств. Его основу зачастую составляют археологические объекты, подвергающиеся сакрализации и мифологизации. При этом новая оккультно-мистическая мифология, связанная с археологическими памятниками, является лишь модернизацией весьма архаичных традиционных представлений и архетипов. Анализируется популярный этиологический миф о древнем великом городе на месте нынешнего г. Омска. Социальной базой подобных мотивов является состояние психологической фрустрации в связи с утерей регионами России былой экономической и культурной значимости, централизация и концентрация всех культурных и экономических ресурсов практически только в столицах России, с одновременной маргинализацией остальных территорий.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-01-00423 «Новые экологические движения России в социальном окружении: взаимодействие с политическими, образовательными, информационными институтами».

Относительно процессов взаимовлияния актуальной мифологии и глобальной информационно-коммуникационной среды сделан вывод, что современные технологии и сетевая культура создают новые возможности циркуляции информационных потоков. Формирующиеся в массовом сознании неомифологические конструкции популяризируются, творчески перерабатываются и обогащаются в медийном пространстве, а затем возвращаются широким массам в модернизированном виде.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Омская область, Окунево, экопоселения, мифология, глобальная информационная среда.

ИСТОЧНИКИ И СПЕЦИФИКА ОБЪЕКТА ПОЛЕВОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Тема настоящей работы — формирование новой мифологии, в основу которой положена своеобразная интерпретация событий и процессов, получивших развитие в глобальной информационной среде. Начиная с 2012 г. авторы этих строк совместно с коллегами провели полевое этнографическое обследование ряда специфических субкультурных групп, ставших важной частью современного социокультурного ландшафта. Комплекс источников состоит из двух частей. Первая была получена в ходе этнографического изучения мощного сакрального центра, сформировавшегося в течение последней четверти века в районе д. Окунево Муромцевского района Омской области. Данный комплекс обладает огромной притягательной силой для разных религиозных объединений и групп паломников; каждый год центр посещают несколько десятков тысяч человек. Люди приезжают из самых разных регионов России и из многих стран мира. Путешествие в эти места становится своего рода модой, обязательным ритуалом для медийных персон и представителей так называемой творческой «элиты» современной России. Наибольшим влиянием обладают религиозно-культурные организации неоиндуистского толка — бабаджисты, шиваиты; а также общины, идеология которых строится на основе изобретения «древнеславянских» традиций. Последние позиционируют себя как ведические православные, родноверы, ведорусы, просто «славяне». Кроме того, в Окунево постоянно или периодически функционирует ряд других культурно-религиозных объединений — от прихода Русской православной церкви до одной из самых радикальных неоязыческих группировок современной России — Древнерусской церкви православных староверов

инглингов под руководством Патера Дия (отца Александра Хиневича, Коловрата). Окуневский комплекс типологически близок новым сакральным центрам России, развившимся как грибы после дождя на фоне мировоззренческого кризиса постсоветской эпохи: Аркаиму на Южном Урале, Церкви Последнего Завета и Обители Рассвета в Красноярской тайге, скифским погребениям Укока, окуневским изваяниям в Хакасии, Долине царей в Тыве, Свяжску и Болгару в Татарстане, дольменам на Кавказе, сейдам Кольского полуострова и многим другим. Сходные процессы получили развитие и за пределами России. Недавно опубликован сборник, посвященный формированию новых сакральных пространств на территории Восточной Европы [Eade, Katić 2014].

Вторую часть источникового фонда составили материалы проведенного нами в 2015–2017 гг. этнографического обследования экологических поселений, сформировавшихся на территории Омской области. В качестве объекта исследования было выбрано два типа экопоселений. Выделение типов обусловлено различием идеологии, на основе которой происходило формирование поселений. Один тип возник на базе возрождения (изобретения) славянской языческой («славяно-ведической») культуры, второй — на принципах, развиваемых в рамках широко распространенного в России нового религиозного движения «Звенящие кедры России» (движение анастасиевцев). Объединяет оба движения их экологическая направленность. Конкретно полевые этнографические работы были проведены в экопоселениях на урочище Юрт-Бергамак Муромцевского района, поселении Азь Градь Омского района, в экологической общине в д. Тимшиняково Тарского района (в основе этих поселений лежит идея возрождения «древнеславянских» традиций); а также в анастасиевских поселениях Черноозерье (Имбирень)

Саргатского района, Колобово (Малинкино) Муромцевского района, Березовка (Обережное) Горьковского района.

Экспедиции были призваны отразить современную тенденцию расширения исследовательского пространства полевой этнографии, ее сдвиг в сторону изучения меньшинств, нетрадиционных религиозных движений, неформальных субкультур. Всё большее распространение получает идеология Нью-Эйдж, духовный дауншифтинг, экзотические восточные культы и практики, антиконсюмеристские и экологические движения. В их рамках формируются новые социокультурные практики, мифология, изобретаются обрядность и традиции. В ходе работ были получены материалы, относящиеся к проблеме формирования новых мифологических мотивов и их связи с процессами, протекающими в глобальном информационном пространстве. Некоторые из этих сюжетов будут обсуждены в данной работе.

ХРОНОТОП САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Наш интерес к вновь возникшим сакральным пространствам не был полностью спонтанным и базировался на предшествующем опыте изучения святилищ, функционирующих в сфере традиционной культуры. Даже поверхностное сравнение демонстрировало общность ритуальных практик, получивших развитие в рамках традиционных и новейших сакральных комплексов. При этом отмечается ревитализация архаичных мифологических мотивов, без труда обнаруживающих себя в мифологии бурно развивающихся современных сакральных центров.

Одним из таких ярких мотивов является приуроченность традиционных святилищ к символически «вечным» объектам: горе, пещере, отдельным большим камням, деревьям, живописным озерам или речным долинам [Виноградов, Громов 2006]. Эти и подобные объекты, связывающие воедино пространство и время (вечность!), составляют естественную основу хронотопа культового комплекса. Мы используем понятие «хронотоп» в том его значении, которое было разработано в трудах выдающегося российского филолога и культуролога М. М. Бахтина применительно к литературе и мифологии.

По Бахтину, хронотоп — это существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе [Бахтин 1975]. Полагаем, что данное понятие также адекватно отражает и процесс освоения сакрального пространства [Селезнев, Селезнева 2017, 138–140].

В ряду хронотопических объектов особое положение занимают выделяющиеся на местности археологические памятники разных эпох. Неслучайно многие традиционные святилища имеют четкую привязку к археологическим памятникам (или к старинным архитектурным ансамблям), а иногда и располагаются непосредственно на их месте. Новейшие сакральные пространства ассоциированы с археологическими объектами еще в большей степени, нежели традиционные. Многие «места силы» современной эпохи в той или иной степени связаны с памятниками археологии: скифские погребения Укока, окуневские изваяния в Хакасии, Долина царей в Тыве [Селезнев 2011, 133–134; Broz 2011, 275–276], дольмены на Кавказе, сакрально-туристические комплексы Болгара и Свияжска в Татарстане [Овчинников 2017]. Аркаим [Шнирельман 2014] и «алтайская принцесса» [Доронин 2016; Селезнев 2011, 129–133; Broz 2009, 50–51, 66; Broz 2011, 266–268; Halemba 2006, 18–19; Halemba 2008, 283–287, 294–297; Mikhailov 2013, 41–44; Plets et al. 2013, 74–84, 88–93] — самые известные в России случаи (в Европе наиболее популярен, конечно, Стоунхендж). Типовой механизм формирования таких центров основан на идее реактуализации, пробуждения, активации сакрального потенциала археологических объектов, наделяемых сверхъестественными функциями. Эти представления зачастую подкреплены мифом, что именно данная территория была колыбелью древнейших суперцивилизаций и с нее начнется спасение всего человечества.

Оккультно-мистическая «свистопляска» вокруг археологических памятников рассматривается специалистами в числе важнейших социокультурных факторов, определяющих становление и развитие модных постмодернистских течений современной археологической мысли [Клейн 2011, 344 сл.]. Ныне, к небольшому удивлению самих археологов,

археологические памятники классифицируются не только по типам, хронологии и культурной принадлежности, но и по критерию их восприятия в современной культуре, связи с новейшими сакральными пространствами и мифологией истории. Предлагаются различные теоретические подходы к осмыслению рассматриваемых феноменов. Например, известную историю с так называемой «алтайской принцессой» (этот статус в общественном сознании закрепился за открытой археологами на плоскогорье Укок на Алтае мумией молодой женщины пазырыкской эпохи, ставшей объектом интенсивной сакрализации, неомифологии и выстраивания новых национальных идентичностей) одна группа исследователей рассматривает с точки зрения постструктуралистских концептов хабитуса, доксы, контекстных полей, разрабатываемых в философии структурного конструктивизма Пьера Бурдьё [Plets et al. 2013]. Другие авторы тот же случай оценивают, опираясь на теорию «окультизма» Альфреда Гелла, аналитический аппарат «изобретения традиций» Эрика Хобсбаума или «воображаемых сообществ» Бенедикта Андерсона [Broz 2011; Halemba 2006]. Наконец, отечественные исследователи обсуждают этот феномен в контексте роста алтайского национализма [Mikhailov 2013].

Относительно сакрального комплекса в районе д. Окунево следует отметить, что археологический компонент занимает важное место уже в повествовании о рождении феномена, а именно о прибытии сюда из Индии в 1992 г. гражданки США латвийского происхождения Расмы Розитис, получившей духовное имя Раджани. По благословлению своего духовного учителя Мунираджа, который, в свою очередь, был преемником Бабаджи, Раджани отправилась на север, в Сибирь, искать храм Ханумана. В конце концов она оказалась в д. Окунево, основала общину последователей Бабаджи — бабаджистов и храм — *ашрам*, к слову сказать, единственный в России. «*Это место никто не знал, единственно, что ее (Расму-Раджани. — А. С., И. С.) привлекло, — это что работали археологи, — заявил нам в 2012 г. тогдашний лидер религиозной организации «Омкар Шива Дхам» церкви Хайдаканди Самадж (общины шиваитов, бабаджистов), носящая*

духовное имя Дурга. — Много здесь было найдено захоронений, исторических ценностей... Раньше, когда археологи начали раскопки делать, вот на том месте, где часовня стоит (Омкар, Татарский увал — главная сакральная зона окуневского комплекса. — А. С., И. С.) были найдены ритуальные принадлежности со всех времен Земли. Вот все цивилизации, которые были на Земле, они оставили там свои принадлежности ритуальные. И в связи с этим было заключено, что это место сакральное и что имеет силу такую, что все пытаются там проводить ритуалы, практики, это место объединяет людей, и люди чувствуют энергетику, и это место духовного роста. Про Окунево тогда вообще ничего не было известно, и вот ее (Расму. — А. С., И. С.) познакомили с Матющенко (Владимир Иванович Матющенко (1928–2005) — российский археолог, исследователь археологических памятников вокруг Окунева. — А. С., И. С.). Он ей раскрыл много глубин и исторических фактов. И вот когда она приехала, она пошла на Омкар, взяла мантры, взяла принадлежности для огненной церемонии, поставила там палатку и стала медитировать, читать мантры, стала проводить там хаван (индуистскую огненную церемонию. — А. С., И. С.). И на четвертую ночь у нее было видение, она прямо на физическом плане и свет видела, и звуки слышала. Это было знамение, подтверждение, что это место — то, что она искала» [Селезнев 2014, 46]. Причудливое осмысление археологического наследия Окунева характерно также для мифологии «ведических православных» (ревнителю древнеславянских традиций) и для других культурно-религиозных групп [Селезнев 2014; Головнева, Шмидт 2015, 296–300].

Ядром сакрального пространства является Татарский увал. Сейчас это место называется Омкар и осмысляется как пуп Земли, энергетический центр. Вероятно, определенную роль в его сакрализации сыграло то обстоятельство, что здесь находится ряд археологических памятников от эпохи неолита до позднего Средневековья, и на протяжении тысяч лет формировался разновременный некрополь. Важнейшая роль в окуневской мифологии отводится личности выдающегося российского археолога В.И. Матющенко [Селезнев 2014;

Головнева, Шмидт 2015, 297–298; Яшин 2014]. Примечательно, что археолог в мифологическом контексте выступает в качестве верховного демиурга — дарителя высших сакральных знаний, ср. фрагмент приведенного выше текста: «...он (В.И. Матющенко. — А. С., И. С.) раскрыл много глубин и исторических фактов».

В 2014 г. непосредственно на «пупе Земли» (Татарском увале) — главном месте сакрального комплекса — появился столб, установленный последователями Бабаджи, на котором был помещен текст, разъясняющий официальный символ веры религиозного объединения:

**ОМКАР ШИВА ДХАМ —
ОЗНАЧАЕТ МЕСТО,
ОТКУДА НАЧАЛОСЬ ТВОРЕНИЕ**

Археологические раскопки на Татарском увале под руководством профессора Матющенко подтвердили, что живописное правобережье Тары сыздавна служило местом священнодействия для многих проживающих здесь народов.

В настоящее время общиной «Омкар Шива Дхам» здесь проводится возрожденный Бабаджи огненный ритуал — ХАВАН (ЯГЬЯ), в древности изобретенный ришами для очищения окружающей среды...

Как видно, текст содержит мотив сакрализации образа археолога и полноценное его включение в священный пантеон. Можно констатировать, что археологическое наследие («архетип древних цивилизаций») является одним из главных факторов, легитимизирующих сакральность пространства.

В наши дни археологические памятники подвергаются сакрализации более охотно, нежели пещеры, деревья или камни. В эпоху постмодерна и информационных технологий использовать объектом своих фантазий столь интеллектуально насыщенный комплекс, как археологический памятник, стало модно и престижно. Однако качественных различий здесь нет: новая оккультно-мистическая мифология, связанная с археологическими объектами, является лишь модернизацией весьма архаичных традиционных представлений и архетипов.

ЭТИОЛОГИЧЕСКИЙ МИФ

Впрочем, эти представления являются частью обширного неоязыческого

этиологического мифа о великом городе, который существовал в течение сотен тысячелетий на месте г. Омска. Назывался город Асгард Ирийский, от имени р. Иртыш — Ирий. Этот миф широко популяризируется в прессе и Интернете. Нам много раз приходилось слышать его варианты в ходе наших экспедиционных поездок. В 2017 г. мы посетили интересную экологическую общину, которая образовалась в д. Тимшняково Тарского района Омской области. Особенность ее в том, что ее члены строят свою жизнь на основе идеологии Древнерусской церкви православных староверов-инглингов — одного из наиболее известных и радикальных неоязыческих религиозных объединений России. А миф об Асгарде Ирийском как раз излагается в так называемых «Славяно-арийских ведах», которые были изданы в начале 2000-х гг., с тех пор несколько раз переиздавались и являются главной священной книгой инглистического движения.

Приводим фрагмент интервью, которое нам дали лидер и основатель общины Виктор и участница движения, принявшая имя Тарина. Впрочем, свое имя по рождению — Ирина — она также считает значимым и пророческим. Ведь дав ей это имя, родители мистически предначертали ее путь и предназначение. Ирина — это не что иное, как *Ирий на*, т.е. путь на Ирий, на Иртыш. Фактически переехав на берега Иртыша из Москвы, Ирина-Тарина выполнила пророчество и свою миссию.

Виктор: Место под поселение я сам подбирал. Я уже заранее знал, что это будет север <Омской обл.>. ... Я во многих местах искал. А потом уже сюда приехал, и всё сложилось. И вот здесь сейчас живем <...>. Мы себя к староверам относим, но мы не те староверы, как вот раньше. Мы пришли к старой вере, есть староверы, которые вообще веками живут и вообще христианами не были... А православные... Я могу сказать, что староверы <и есть> православные. Православие — это как раз славянское слово. А в Омск потому, что отсюда всё началось когда-то давно.

Тарина: Там был город Асгард Ирийский — город Богов.

Виктор: Его, этого города, нет всего триста с небольшим лет. Его до Семена Ремезова не было только сто с небольшим лет, там 150–160 лет. А до этого он всё

время там был. Этот город был описан в скандинавских сагах, Асгардов-то несколько было: был Асгард Согдийский, там Соддиана. Вот у скандинавов есть же саги, и там есть река Иррий, и там этот город Асгард описан, он рядом с капищем Ингли, которое отовсюду видно. И у индусов он описан в Ведах. Это капище было на месте Успенского собора <в Омске>, так вот, он стоит на малом фундаменте малого здания этого капища. Там же куча подземных ходов осталась.

Тарина: А метро, думаете, почему не откроется никак и не достроится? Потому что там же фундаменты старые и подземные ходы...

Виктор: Там 16 лучей и подземные ходы, девять штук только через Иртыш <...> [Селезнева, Селезнева 2017а, 268–269].

Активным популяризатором данного мифа является известный актер Александр Михайлов. Он тесно связан с мистическими движениями Омского региона. Ему принадлежит родовое поместье в экологическом поселении Азь Градь неподалеку от Омска. Мотивацией выбора именно этого места является древний священный город, существовавший на месте Омска сотни тысяч лет назад. Не последнюю роль играют и ссылки на «археологические» материалы: «Я строю дом в 40 километрах от Омска, в деревне Азь Градь — одном из самых удивительных поселений в мире. В 2008 году именно здесь решили создать новый город. Это удивительное место, в котором много раскопок и находили большое количество ценных артефактов. Это такой энергетический центр. Здесь я хочу создать жилье, сделав его своим Ноевым ковчегом, своей отдушиной» [Семина 2018]. В одном из публичных выступлений актер развивает свою концепцию: «Мало кто знает, что не 300 лет вашему городу Омску, а 330 тыс. лет. Здесь, когда происходили смещения континентов, была цивилизация, как племя майя, как на Тибете была цивилизация, в Непале, и здесь были русичи, асы, арии, гиперборейцы, они вышли, три ветви вышли: одна на Кавказ вышла ветвь, на Урал вышла ветвь, здесь открывается Аркаим, третья вышла сюда, в Сибирь, и река здесь была не Иртыш, а Иррий, Иррий и Омь, вот это слияние, здесь сегодня святые места, захоронения; оказывается, что древнейшие

поселения были в Омске, одни из самых древнейших поселений. И всё это возвращается, возвращается, и мы даже существуем в этом информационном поле, живем в этой генетической памяти...» [Селезнева 2014, 66].

Как всякий миф эпохи постмодерна, сказание об Асгарде подкрепляется квазинаучной «аргументацией». Последняя включает в себя «лингвистические» доводы о совпадении названий р. Омь и г. Омска с первозвукom Вселенной «Ом» в индуистской мифологии, названия р. Тары с именем богини Тары в буддизме. Кроме того, приводятся «исторические» ссылки на картографические материалы С. У. Ремезова. Несмотря на то что в литературе рассмотрены реальные истоки и изложена рациональная критика данного мифологического мотива [Яшин 2001, 63–64; Матвеев 2016, 32–33], он получил весьма широкое распространение. Характерно, что название вышеупомянутого поселения Азь Градь является намеренной огласовкой термина Асгард Ирийский.

Мы полагаем, что социальной базой подобной мифологии является состояние психологической фрустрации в связи с потерей регионами России былой экономической и культурной значимости. Усиливаются процессы централизации и концентрации всех культурных и экономических ресурсов практически только в столицах России и одновременно маргинализация остальных территорий. Миф о древнем величественном городе и всю мифологию о суперцивилизациях следует рассматривать как реакцию на нынешнее социально-экономическое положение Омского региона. По сути, фрустрации по поводу былых поражений, потерь, унижений, притеснений и ограничений лежат в основе любых националистических и культуралистских мифов.

ЧИСТЫЕ ДНК, АННА ЧАПМАН И ПРЕЗИДЕНТ: АКТУАЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Феномен новой мифологии органично встроена в структуру широкого социокультурного дискурса. Особая роль в этом процессе принадлежит глобальной информационной среде, включающей

СМИ, научную и художественную литературу, кино, сетевые сообщества.

Примером широкого резонанса в прессе выступает история с «алтайской принцессой». В общественном сознании этот образ превратился в символ национальной идентичности алтайцев. С «мстью» «принцессы» связывались расстрел Белого дома, войны в Чечне и Украине, катастрофические землетрясения на Алтае первых двух десятилетий XXI в. (название статьи польской исследовательницы Агнешки Халембы [Halemba 2008] об этой истории метафорически обыгрывает ситуацию: «Что испытываешь, когда религия уходит у тебя из-под ног?»). Очередной вишенкой на торте стала недавняя публикация в нью-йоркской газете «Обзервер». В ней вполне серьезно обсуждается предположение, что проблемы со здоровьем и в личной жизни, а также известные политические неудачи Хиллари Клинтон связаны с проклятием «алтайской принцессы», мумию которой тогдашней первой леди США продемонстрировали во время ее визита в Россию в 1997 г. Более того, автор статьи не исключает, что это была ловушка, составленная на перспективу российскими спецслужбами [Klikushin 2017].

Технология сакрализации образа «алтайской принцессы» восходит к архаичным, если не сказать архетипическим мифологическим комплексам. Так, этнографы зафиксировали представления, согласно которым «принцесса» приходит к людям во сне с сообщением, что она обладает особым даром, заключающимся в том, чтобы служить курчуу (поясом-оберегом) для Алтая, и с просьбой помочь ей вернуться домой (см.: [Тюхтенева 2006, 35; Доронин 2016, 82–83; Доронин 2016а, 117–123]). Многочисленные антропологические исследования свидетельствуют, что сновидения в разных культурах являются важнейшим источником формирования новых сакральных образов и объектов (см., например: [Селезнев, Селезнева 2013, 127–130]). Свообразно трактуя приемы археологических раскопок замерзших могил, алтайские активисты обвиняют археологов в том, что те сварили (обварили) «принцессу», а также, что она выставлена в музее на обозрение обнаженной [Доронин 2016, 81–82, рис. 1]. При знакомстве с этими материалами не

оставляет ощущение, что местные интеллектуалы усердно штудируют «Мифологики» К. Леви-Стросса. Приходят на память, в частности, названия его книг «Сырое и вареное» и «Человек голый».

Омский регион является великолепным полигоном для изучения рассматриваемых явлений. Здесь наблюдается высокая концентрация новых религиозных движений, сакральных пространств, организаций и отдельных лиц, назначение и деятельность которых имеет явную мистико-эзотерическую направленность.

В частности, Окуневский сакральный комплекс — один из самых популярных сюжетов федеральных и местных телеканалов. Передачи и специальные большие проекты об окуневском «феномене», демонстрировавшиеся, как правило, неоднократно и в самое праймовое время, подготовили телекомпании Первый канал, НТВ (как минимум три больших передачи), РЕН ТВ (два больших проекта), ДТВ (три проекта), ТВ-Центр, 5 канал, ГТРК «Иртыш». С большими передачами выступили звезды телеэфира Кирилл Набутов, Анна Чапман и др. О деревне Окунево режиссерами Иваном и Владимиром Головневыми сняты неигровые фильмы.

Анализируя окуневские материалы [Селезнев 2014], мы выделили ряд характерных для современного мифологического сознания тенденций:

— обращение к запредельному, эзотерическому, иррационально-мистическому опыту как источнику знаний о прошлом и будущем;

— ревитализация и модернизация традиционных образов и мотивов, инвенториальные технологии конструирования новых сюжетов (порталы (=иномирье), храмы, магические кристаллы, живая вода волшебных озер, сновидения как источник духовного преображения);

— сциентизм, засилье паранаучной и техникстской фразеологии (голографическое поле, выходящее в навь, флеш-модули с записью нашего сознания, Афиней, Лемурия, Атлантида и т.п.). При этом отторжение и жесткое неприятие рациональной науки — характерен афоризм-оксюморон нашего окуневского информатора: «*невежественнее современной науки ничего нет*»;

— конспирология, опора на архетип Великой Тайны за семью печатями; вера

в заговор темных сил, скрывающих знания от широких масс; воплощение принципа «удивительное рядом — но оно запрещено».

В сущности, те же тенденции, но зачатую в утрированной форме характерны и для соответствующих сюжетов СМИ. И здесь фантазии просто удивительны. Так, например, широкое отражение в прессе нашло открытие могильника Усть-Тара VII, находящегося в 45 км от д. Окунево и относящегося к раннему Средневековью. В ходе раскопок в могильнике было зафиксировано 8 могил, причем у части погребенных отмечаются признаки искусственной деформации (удлинения) черепов (подробнее см.: [Там же, 50–52]). В среде окуневских эзотериков быстро распространился миф, согласно которому погребенные были жрицами некоего культа, обладавшими каналом связи с высшим божественным миром. Местные энтузиасты создали большое «капище», как бы реконструирующее место захоронения жриц. На нем периодически проводятся неоязыческие ритуалы.

История с вытянутыми черепами выплеснулась за пределы местных рамок. О находке сообщили федеральные каналы. Благодаря фильмам на телеканалах Рен ТВ и НТВ она приобрела всероссийскую известность. Высшего уровня мифотворчество достигло в программе известной ведущей Анны Чапман. Саргатская археологическая культура трансформировалась в народ саргатов, живших 8 тыс. лет назад и отличавшихся исполинскими ростом и силой. Находка захоронений людей с искусственно деформированными черепами породила грандиозную мифологическую конструкцию, в которой присутствовали и древние жрицы, и прилеты инопланетян, и контакты с потусторонним миром.

Этот весьма однообразный набор беспрепятственно кочует из одного издания в другое. Вот, например, всероссийский консервативно-мистический портал «Русская семерка» публикует семь главных «археологических загадок» на территории

России. В списке старые знакомые: саргаты, «омские пришельцы» с удлинненными черепами, «алтайская принцесса», Аркаим [РС]².

С другой стороны, вызывающие широкий общественный резонанс научные идеи зачастую довольно органично вплетаются в актуальную мифологию. В д. Окунево нам довелось услышать захватывающий «космический» сюжет. В нем повествуется об экспедициях на землю внеземных рас, галактических катастрофах, древней мировой войне, городе Асгарде и т.п. Своеобразно трактовался расовый вопрос: *«Кавказские народы, арабские — это атланты, смешанные с питекантропами и неардетальцами (sic!). У них очень сильный агрессивный эмоциональный план и очень сильная волосатость. Но важна чистота, чем <чище> наша ДНК, чем больше мы приближены к космическим родам, тем мы духовнее»* [Селезнев 2014, 44–45]. В целом этот комплекс идей является составной частью так называемого гиперборейского мифа, изрядно приправленного паранаучной и техницистской фразеологией. Указание на «чистоту ДНК», возможно, следует трактовать как рефлексию на модные в научном мире идеи популяционной генетики, этногеномики, геногеографии, гаплогрупп и т.п. Любопытно, что подобные абсурдные идеи легко находят себе путь в «высокорейтинговые», «престижные», «рецензируемые» журналы, столь активно насаждаемые нашими «менеджерами» от науки [Флегонтов, Касьян 2016, 6–7]. Иногда такого же уровня представления проникают в среду, казалось бы заведомо чуждую всякой мистике и мифотворчеству. Один из главных бенефициаров бюджета российской науки член-корреспондент М. В. Ковальчук «просветил» членов Совета Федерации относительно новых тенденций развития науки: «...благодаря достижениям современной генетики вы можете создавать <...> клетку, этногенетически ориентированную на конкретный этнос: это может быть безопасно для

² Остается загадкой критерий отбора объектов для сакрализации и мифологизации. Например, недавнее открытие останков «усть-ишимского человека» на севере Омской области оказалось совершенно не вовлеченным в процесс мифотворчества, да и вообще мало известным омичам. Между тем все предпосылки для мифологизации этого открытия, казалось, были в наличии: громадная — порядка 45 тыс. лет — древность находки, ее статус древнейшего на сегодняшний день свидетельства пребывания человека современного вида на просторах Евразии.

одного этноса и вредоносно, смертельно для другого. Это первый тип опасности, очевидный при появлении принципиально нового оружия массового поражения» [Ковальчук 2015]. Своего апогея эта история достигла в 2017 г., когда президент В. В. Путин публично выразил озабоченность сбором образцов биологического материала россиян «по разным этносам и людям, проживающим в разных географических точках Российской Федерации» [Маркина 2017, 6–7]. Видимо, по этому поводу следует ожидать очередного всплеска народного мифотворчества³.

Вообще мотивы сакрализации власти и образа национального лидера довольно широко представлены в новой мифологии. Популяризатор сакрального центра в Окуневе писатель Михаил Речкин сообщает на своем сайте: «Однажды <мне> приснился удивительно реалистический сон. Я стоял у часовни на Татарском увале (Окунево), а ко мне шел... В. В. Путин. Надеюсь, что когда-нибудь Президент России все-таки дойдет до часовни...» Как тут не вспомнить, что в Аркаим президент уже приезжал [Шнирельман 2009, 305–307]. Нельзя также не отметить, что образ президента в данном контексте приобретает совершенно мистический характер, воспринимается как сущность сверхъестественного уровня [Селезнев 2014, 48].

Глава антастиевского экопоселения в Колобове Вячеслав, весьма обеспокоенный состоянием образования в России, в интервью, данном нам в августе 2016 г., отметил, что В. В. Путин окружен врагами — пятой колонной. Одним из ее лидеров респондент назвал министра образования и науки В. Ливанова и выразил

уверенность, что последний в скором времени уйдет. Можно представить наши чувства, когда, завершив этот разговор, мы заглянули в заголовки новостей (большего не позволяя едва теплившийся Интернет) и обнаружили там сообщения об отставке Ливанова.

Оригинальную трактовку вызвавших общественный резонанс событий предложил идеолог антастиевского поселения Имбирень Александр. В беседе с нами он предположил, что широко обсуждавшиеся эпизоды, когда президент на какое-то время исчезал с экранов телевизоров, объясняются тем, что в эти периоды он встречался с мистической женщиной Анастасией. Напомним, что последняя является персонажем книг писателя Вл. Мегре, ставших идеологической основой нового религиозно-экологического движения «Звенящие кедры России». Именно в соответствии с рекомендациями Анастасии, содержащимися в этих книгах, устраивают свою жизнь последователи данного движения. По версии Александра президент уехал в тайгу, где проводил с Анастасией консультации относительно будущего развития России и знакомился с новыми экологическими книгами [Селезнев, Селезнев 2017а, 271–272].

В целом можно констатировать, что современные технологии и сетевая культура создают новые возможности циркуляции информационных потоков. Формирующиеся в массовом сознании неомифологические конструкции популяризируются, творчески перерабатываются и обогащаются в медийном пространстве, а затем возвращаются широким массам в модернизированном виде.

Источники и материалы

- Ковальчук 2015 — Выступление Михаила Ковальчука в Совете Федерации 30 сентября 2015 года // «Троицкий вариант» онлайн. 2015. 8 октября. URL: <http://trv-science.ru/2015/10/08/vystuplenie-mikhaila-kovalchuka-v-sf/>.
- Маркина 2017 — Маркина Н. Путин и биоматериалы // ТрВ-Наука. 2017. № 24 (243).

С. 6–7. URL: <https://trv-science.ru/2017/12/05/putin-i-biomaterialy/>

Нашли на что обижаться 2018 — Нашли на что обижаться?! // НТВ. «Место встречи». 11.05.2018, 17:20.

URL: http://www.ntv.ru/peredacha/Mesto_vstrechi/m52562/o497956/video/

³ Данная работа проходила этап редакционной правки, когда вышел очередной выпуск одной из главных информационно-аналитических программ телекомпании НТВ «Место встречи». Неожиданно дискуссия в студии развернулась по вопросам генетического, кровного родства или несходства между разными народами. Приглашенные «эксперты» на многомиллионную аудиторию рассуждали о ДНК-генеалогии, Y-хромосомных гаплогруппах и т.п. «достижениях науки». Разумеется, никто не высказал и тени сомнения в самой правомерности рассмотрения связей между народами с точки зрения кровного родства и ДНК [Нашли на что обижаться 2018].

РС — 7 археологических загадок на территории России // Русская семерка. URL: <http://russian7.ru/post/7-arkheologicheskikh-zagadok-na-territor/>

Семина 2018 — *Семина Д.* Александр Михайлов: «Я строю дом под Омском» // Ва-банк. Омск. 2018. № 1 (407).

Флегонтов, Касьян 2016 — *Флегонтов П., Касьян А.* Славянский язык идиш и другие издержки системы peer review в междисциплинарных исследованиях // ТрВ-Наука. 2016. № 209. С. 6–7.

Klikushin 2017 — *Klikushin M.* Hillary Clinton Was Cursed to Fail by Siberian Mummy // Observer. 2017. 03.10. URL: <http://observer.com/2017/03/princess-of-ukok-siberian-mummy-curse-hillary-clinton/>

Исследования

Бахтин 1975 — *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234–407.

Виноградов, Громов 2006 — *Виноградов В. В., Громов Д. В.* Представления о камнях-валунах в традиционной русской культуре // Этнографическое обозрение. 2006. № 6. С. 125–143.

Головнева, Шмидт 2015 — *Головнева Е., Шмидт И.* Обращение к вере, утопия и сакральное место (д. Окунево в Западной Сибири) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 3 (33). С. 291–321.

Доронин 2016 — *Доронин Д. Ю.* Что опять не так с «алтайской принцессой»? Новые факты из ньюслорной биографии Ак Кадын // Сибирские исторические исследования. 2016. № 1. С. 74–104.

Доронин 2016а — *Доронин Д. Ю.* Белый конь на гребне горы: структура и маркеры коммуникации в визионерских практиках алтайцев // Вестник РГГУ. Серия История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. № 12 (21). С. 115–134.

Клейн 2011 — *Клейн Л. С.* История археологической мысли: В 2 т. Т. 2. СПб., 2011. 626 с.

Матвеев 2016 — *Матвеев А. В.* С. У. Ремезов. Предчувствие Омска? // Известия Омского регионального отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество». 2016. Вып. 13 (22). С. 25–33.

Овчинников 2017 — *Овчинников А. В.* «Возрождение» Болгара и Свяжска — новейший опыт конструирования исторической памяти // Вестник Пермского университета. Серия История. 2017. № 4 (39). С. 192–201.

Селезнев 2011 — *Селезнев А. Г.* Старые и новые иеротопии Сибири: технология конструирования религиозной идентичности // Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность. Омск, 2011. С. 123–136.

Селезнев 2014 — *Селезнев А. Г.* Новая мифология истории: архетип «древних цивилизаций» и сакральный центр в районе деревни Окунево // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 41–59.

Селезнев, Селезнева 2013 — *Селезнев А. Г., Селезнева И. А.* Ритуальные практики в сибирском исламе: элиты, книги, сны // Традиционная культура. 2013. № 3 (51). С. 120–132.

Селезнев, Селезнева 2017 — *Селезнев А. Г., Селезнева И. А.* Археологические памятники и новые сакральные пространства: иеротопия, хронотоп и глобальная информационная среда // Уральский исторический вестник. 2017. № 1 (54). С. 135–143.

Селезнев, Селезнева 2017а — *Селезнев А. Г., Селезнева И. А.* «Жить по совести и в ладу с природой»: новые экологические поселения в современном социокультурном пространстве (Западная Сибирь, Омская область) // Вестник Омского университета. Серия Исторические науки. 2017. № 4 (16). С. 264–276.

Селезнева 2014 — *Селезнева И. А.* Сакральный центр и внешний мир: проблемы взаимодействия // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 59–73.

Тюхтенева 2006 — *Тюхтенева С. П.* Земля моего сновидения // Этнографическое обозрение. 2006. № 6. С. 31–37.

Шнирельман 2009 — *Шнирельман В.* Президенты и археология, или Что ищут политики в древности: далекое прошлое и его политическая роль в СССР и в постсоветское время // Ab Imperio: Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. 2009. № 1. С. 279–323.

Шнирельман 2014 — *Шнирельман В. А.* Аркаим и Стоунхендж между прошлым и будущим // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 19–40.

Яшин 2001 — *Яшин В. Б.* «Церковь православных староверов-инглингов» как пример неоязыческого культа // Неоязычество на просторах Евразии. М., 2001. С. 56–67.

Яшин 2014 — *Яшин В. Б.* Классик археологии и «неклассическая» археология // Vita scientificus, или Археолог В. И. Матющенко. Омск, 2014. С. 108–131.

Broz 2009 — *Broz L.* Substance, Conduct, and History: “Altaian-ness” in the Twenty-First Century // Sibirica. 2009. Vol. 8. № 2. Summer. P. 43–70.

Broz 2011 — *Broz L.* Spirits, Genes and Walt Disney’s Deer: Creativity in Identity and Archaeology Disputes (Altai, Siberia) // The archaeological encounter: anthropological perspective. St. Andrews: Centre for Amerindian, Latin American and Caribbean Studies, University of St. Andrews, 2011. P. 263–297.

Eade, Katić 2014 — Pilgrimage, Politics and Place-Making in Eastern Europe: Crossing the

Bord. Ed. by John Eade, Mario Katić. Farnham, England: Ashgate, 2014. xiv + 187 p.

Halemba 2006 — *Halemba A.* The Telen-gits of Southern Siberia: Landscape, Religion and Knowledge in Motion. London: Routledge, 2006.

Halemba 2008 — *Halemba A.* What does it feel like when your religion moves under your feet? Religion, Earthquakes and National Unity in the Republic of Altai, Russian Federation // *Zeitschrift für Ethnologie*. 2008. Bd. 133. H. 2. P. 283–299.

Mikhailov 2013 — *Mikhailov D. A.* Altai Nationalism and Archeology // *Anthropology and Archeology of Eurasia*. 2013. Fall. Vol. 52. № 2. P. 33–50.

Plets et al. 2013 — *Plets G., Konstantinov N., Soenov V., Robinsson E.* Repatriation, Doxa, and Contested Heritages: The Return of the Altai Princess in an International Perspective // *Anthropology and Archeology of Eurasia*. 2013. Fall. Vol. 52. № 2. P. 73–98.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Селезнев А. Г. <https://orcid.org/0000-0001-6096-7190>

Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Омской лаборатории Института археологии и этнографии СО РАН: Российская Федерация, 644024, г. Омск, пр-т Маркса, д. 15; доцент Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского: Российская Федерация, 644077, г. Омск, пр-т Мира, д. 55а; тел.: +7 (3812) 37-17-49; e-mail: seleznev@myttk.ru

Селезнева И. А. <https://orcid.org/0000-0003-2292-0476>

Кандидат исторических наук, доцент, директор Сибирского филиала Института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева: Российская Федерация, 644077, г. Омск, ул. Андрианова, д. 28; доцент Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского: Российская Федерация, 644077, г. Омск, пр-т Мира, д. 55а; тел.: +7 (3812) 67-17-42; e-mail: ir_selez@mail.ru

NEW RUSSIAN MYTHOLOGY AND THE GLOBAL INFORMATION ENVIRONMENT: PARADOXES OF THE CONTEMPORARY SOCIAL COMMUNICATIONS (WESTERN SIBERIA, THE 21ST CENTURY)

ALEKSANDR G. SELEZNEV

(Omsk laboratory, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences: 15, Marx av., Omsk, 644024, Russian Federation; Dostoevsky Omsk State University: 55a, Mira av., Omsk, 644077, Russian Federation)

IRINA A. SELEZNEVA

(Siberian division of Likhachev Institute of Heritage: 28, Andrianova str., Omsk, 644077, Russian Federation; Dostoevsky Omsk State University: 55a, Mira av., Omsk, 644077, Russian Federation)

Summary. *A new mythology forming in the postmodern and postindustrial era is analyzed in the paper. Source database consists of field materials, collected during the ethnographic research of the new sacral center formed around Okunevo village, as well as ideological (religious)-oriented ecovillages, widely spread on the territory of Omsk region. The materials belong to the 21st century. Mythological motifs whimsically interpreting the course of history, including significant archaeological sites; motives of the power and the national leader (President) sacralization; interpretation in the folk consciousness of the actual scientific process, in particular the media reflection on genetic geography, haplogroups and other “fashionable” scientific disciplines are in the focus of attention.*

The concept of the chronotope of new sacred spaces is considered. Archeological objects are exposed to the sacralization and mythologization form its basis often. At the same time, the new occult-mystical mythology associated with archaeological monuments is only a modernization of very archaic traditional ideas and archetypes. A popular etiological myth about an ancient great city on the site of the current city of Omsk is analyzed. Psychological frustration on the reason of the loss by Russian regions former economic and cultural significance, the centralization and concentration all cultural and economic resources almost only in the capitals of Russia it is the social basis of such motifs.

The conclusion is made that modern technology and networked culture create new possibilities circulation of information flows. Forming inside the mass consciousness neo-mythological interpretations are popularized, creatively processed and enriched in the media space, and then return to the masses in a modernized form.

Key words: *Western Siberia, Omsk region, Okunevo, ecovillages, global information space.*

Acknowledgements. *This research is supported by the grant of the Russian Foundation for Basic Research No. 17-01-00423 “New ecological movements in Russia in the social environment: interaction with political, educational, informational institutions”.*

References

Bakhtin M. M. (1975) *Formy vremeni i khronotopa v romane: ocherki po istoricheskoy poetike* [Forms of time and chronotope in the novel: essays on the historical poetic]. In: *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow. Pp. 234–407. In Russian.

Golovneva E., Shmidt I. (2015) *Obrashchenie k vere, utopiya i sakralnoe mesto* (d. Okunevo v Zapadnoy Sibiri) [Religious conversion, utopia, and the sacred site: Okunevo Village in Western Siberia]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion and church in Russia and worldwide]. 2015. No. 3 (33). Pp. 291–321. In Russian.

Doronin D. Yu. (2016) *Chto opyat ne tak s “altayskoy printsessoy”? Novye fakty iz nyuslornoy biografii Ak Kadyn* [What is wrong again with the “Altai princess”? New facts from newslore biogra-

phy of Ak Kadyn]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research]. 2016. No. 1. Pp. 74–104. In Russian.

Doronin D. Yu. (2016) *Belyj kon' na grebne gory: struktura i markery kommunikacii v vizionerskikh praktikakh altajcev* [White steed on the mountain. Structure and markers of communication in Altaic visionary practices]. *Vestnik RGGU. Seriya Istoriya. Filologiya. Kulturologiya. Vostokovedenie* [RSUH/RGGU bulletin. Series History. Philology. Culturology. Oriental Studies]. 2016. No. 12 (21). Pp. 115–134. In Russian.

Kleyn L. S. (2011) *Istoriya arkheologicheskoy mysli* [History of archaeological thought]. St. Petersburg. Vol. 2. In Russian.

Matveev A. V. (2016) *S. U. Remezov. Predchuvstvie Omska?* [S. U. Remezov. The feeling of Omsk?]. *Izvestiya Omskogo regional'nogo otdeleniya Vserossi-*

yskoy obshch. org. "Russkoe geograficheskoe obshchestvo" [Bulletin of the Omsk regional branch of the "Russian geographical society"]. 2016. Vol. (13) 22. Pp. 25–33. In Russian.

Ovchinnikov A. V. (2017) «Vozrozhdenie» Bolgara i Sviyazhska — noveyshiy opyt konstruirovaniya istoricheskoy pamyati [«Revival» of Bolghar and sviyazhska: contemporary experience of constructing historical memory]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriya* [Bulletin of Perm University. Series History]. 2017. Vol. 39. Issue 4, pp. 192–201. In Russian.

Seleznev A. G. (2011) Starye i novye ierotopii Sibiri: tekhnologiya konstruirovaniya religioznoy identichnosti [Old and new hierotopy of Siberia: the technology of constructing religious identity population] In: Naselenie Sibiri: mezhnatsional'nye otnosheniya, obrazovanie i kul'turnaya identichnost' [Siberia: ethnic relations, education and cultural identity]. Omsk. Pp. 123–136. In Russian.

Seleznev A. G. (2014) Novaya mifologiya istorii: arkhetyp «drevnikh tsivilizatsiy» i sakralnyy tsentr v rayone derevni Okunevo [New mythology of history: the archetype of "ancient civilizations" and the sacral center near the village of Okunevo]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2014. No. 5. Pp. 41–59. In Russian.

Seleznev A. G., Selezneva I. A. (2013) Ritual'nye praktiki v sibirskom islame: elity, knigi, sny [Ritual practices in the Siberian Islam: elites, books, and dreams]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture]. 2013. No. 3 (51). Pp. 120–132. In Russian.

Seleznev A. G., Selezneva I. A. (2017) Arkheologicheskiye pamyatniki i novyye sakral'nyye prostranstva: iyerotopiya, khronotop i global'naya informatsionnaya sreda [Archaeological objects and new sacral spaces: hierotopy, chronotope and global information environment]. *Ural'ski istoricheskii vestnik* [Ural historical journal]. 2017. No. (54). Pp. 135–143. In Russian.

Seleznev A. G., Selezneva I. A. (2017) «Zhit' po sovesti i v ladu s prirodoy»: novye ekologicheskie poseleniya v sovremennom sotsiokul'turnom pro-

stranstve (Zapadnaya Sibir', Omskaya oblast') ["To live according to conscience and in harmony with nature": New ecovillages in the contemporary socio-cultural space (the Western Siberia, Omsk Region)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki* [Herald of Omsk University. Series Historical Studies]. 2017. No. 4 (16). Pp. 264–74. In Russian.

Selezneva I. A. (2014) Sakralnyy tsentr i vneshniy mir: problemy vzaimodeystviya [The sacral center and the outside world: problems of interaction]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2014. No. 5. Pp. 59–73. In Russian.

Tyukhteneva S. P. (2006) Zemlya moego snovideniya [The land of my dreams]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2006. No. 6. Pp. 31–37. In Russian.

Shnirelman V. (2009) Prezidenty i arkhologiya [Presidents and archeology]. *Ab Imperio*. 2009. No. 1. Pp. 279–323. In Russian.

Shnirelman V. A. (2014) Arkaim i Stounkhendzh mezhdru proshlym i budushchim [Arkaim and Stonehenge between the Past and the Future]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2014. No. 5. Pp. 19–40. In Russian.

Vinogradov V. V., Gromov D. V. (2006) Predstavleniya o kamnyakh-valunakh v traditsionnoy russkoy kul'ture [Notions on boulder stones in traditional Russian culture]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2006. No. 6. Pp. 125–143. In Russian.

Yashin V. B. (2001) "Tserkov' pravoslavnykh staroverov-inglingov" kak primer neoyazycheskogo kulta ["Ynglism church of Orthodox Old-Believers" as an example of a neo-pagan cult]. In: Neoyazychestvo na prostorakh Yevrazii [Neopaganism in Eurasia vastness]. Moscow. Pp. 56–67. In Russian.

Yashin V. B. (2014) Klassik arkhologii i «neklasicheskaya» arkhologiya [Classic scholar in archaeology and the "non-classical" archeology]. In: Vita scientificus, ili arkholog V. I. Matyushchenko [Vita scientificus, or archaeologist V. I. Matyushchenko]. Omsk. Pp. 108–131. In Russian.

ABOUT THE AUTHORS

Seleznev A. G. <https://orcid.org/0000-0001-6096-7190>

E-mail: seleznev@myttk.ru

Tel.: +7 (3812) 37-17-49

15, Marx av., Omsk, 644024, Russian Federation

PhD (History), senior researcher, Omsk laboratory, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences

55a, Mira av., Omsk, 644077, Russian Federation

Associated professor, Dostoevsky Omsk State University

Selezneva I. A. <https://orcid.org/0000-0003-2292-0476>

E-mail: ir_selez@mail.ru

Tel.: +7 (3812) 67-17-42

28, Andrianova str., Omsk, 644077, Russian Federation

PhD (History), director of Siberian division, Likhachev Institute of Heritage

55a, Mira av., Omsk, 644077, Russian Federation

Associated professor, Dostoevsky Omsk State University